

ЗНАМЕНИТЫЙ АРТИСТ РАССКАЗАЛ, ПОЧЕМУ ТАК ВАЖЕН В ПРОФЕССИИ ГОЛОС, ПРИЗНАЛСЯ, ЧТО СРОДНИЛСЯ С ДОКТОРОМ ХАУСОМ, И ПОПРОСИЛ ПРОЩЕНИЯ У РЫБЫ

Фото предоставлено пресс-службой Молодежного театра

Этот разговор с народным артистом России Валерием Кухарешиным родился из необходимости взять у него комментарий по поводу окончания реконструкции станции метро «Пушкинская». (В честь открытия станции на ней звучат пушкинские стихи в исполнении питерских артистов, в том числе Кухарешина.) Но в те дни Валерий Александрович был в отпуске, а когда вернулся в город, мы решили расширить тему и сделать интервью. Тем более что в этом году исполняется 35 лет, как Валерий Александрович служит в Молодежном театре на Фонтанке.

Валерий КУХАРЕШИН:

У актера В жизни должны быть большие глаза

МЫ ЧЕМ-ТО ПОХОЖИ С ХЬО ЛОРИ

— Валерий Александрович, у вас такой молодой голос, что, когда говоришь с вами по телефону, не верится, что вам к шестидесяти. Говорят, глаза — зеркало души. А что для вас голос?

— Это один из инструментов в работе актера, и он должен быть отлажен, отточен, гибок. Актера со сцены должно быть слышно, даже если он говорит шепотом. Голос может помочь артисту показать возраст персонажа, черты характера, род деятельности и так далее. Но также на сцене очень важна живая интонация, живая фраза, которую нельзя придумать дома. Она должна рождаться в данную минуту, в диалоге, в тех обстоятельствах, в которых находится герой, и тогда она точна и уникальна и проникает в самое сердце зрителя. Мы всегда узнаём голоса великих актеров — Раневской, Смоктуновского, Высоцкого, Юрского и многих других, — не видя их самих, ведь эти голоса выражали суть персонажа, трепет его души.

Одна из проблем нынешнего кино в том, что часто роли дают непрофессиональным артистам, где-то засветившимся и ставшим медийными. И зритель видит на экране, что называется, говорящие головы: герои произносят текст, а что с ними происходит, непонятно. И трепетать-то у них нечему. И меня порой зовут помочь: озвучить персонажа, чтобы спасти, вытащить роль.

— Бывало, что в жизни вас узнавали по голосу?

— Да, конечно, особенно после того, как я озвучил доктора Хауса. Раньше я чаще слышал на улице: «О, Кухарешин!» Теперь слышу иногда: «О, да это же доктор Хаус!» Мне это приятно.

— Дубляж «Доктора Хауса» — особый случай: это не разовое озвучание, вы были вместе с персонажем несколько лет. Можно ли сказать, что вы сроднились с ним?

— Да, и мне жалко, что мы не встретились с Хью Лори, когда он приезжал в Петербург с концертом. Так получилось, что я не смог пойти, но мне было бы очень интересно с ним познакомиться. Мне кажется, какими-то чертами характера мы похожи.

— Какими же?

— В жизни я традиционалист, консерватор, но в искусстве люблю риск, эксперимент. Знаете, иногда, работая над чем-то, хочется махнуть рукой: э, пропади все пропадом... и рискнуть. Мне кажется, и доктору Хаусу, и самому Хью Лори это свойственно.

Мне всегда везло на дубляж: я работал над хорошими фильмами с участием сильных актеров. Дублируя хорошего актера, учишься у него. Правда, иногда даже хочется сыграть нечто большее, чем сыграл он, и режиссер частенько тормозит меня.

Есть такое выражение в дубляже: «голос отлипает от лица». Когда такое происходит, то ты, смотря фильм, начинаешь раздражаться, думаешь: лучше бы были титры. Нужно слиться с героем, найти этого человека, найти точную интонацию. Это непросто. И когда это получается, работа доставляет мне радость и удовольствие. Если затопиться только об артикуляционном совпадении, только о том, чтобы произнести написанные укладчиком слова, попав в смыкания губ персонажа, ничего хорошего не будет.

В ЧЕЛОВЕКЕ МНОГО ВСЕГО НАМЕШАНО

— Вы сказали о своем консервативном характере. В этом ли причина вашей верности одному театру, одному городу? Ведь вы родились в Ленинграде и всю жизнь прожили здесь; вы пришли в Театр на Фонтанке после института и до сих пор служите ему — уже 35 лет.

— В моей жизни был эпизод, когда я ушел в БДТ по приглашению Кирилла Юрьевича Лаврова. Темуру Чхеидзе ставил «Бесприданницу», и я договорился с Лавровым, что буду репетировать в Большом драматическом, не прерывая своих отношений с Молодежным театром. Но я почувствовал, что творческий климат в Молодежке мне подходит больше. Причина верности этому театру, думаю, не в моем консерватизме, а в том, что в театре работали замечательные режиссеры: открывал его Владимир Малыщцкий, которого потом сменил Ефим Падве, сейчас театр возглавляет Семен Спивак. Но я много сотрудничал и с другими петербургскими

театрами, довелось поработать и с Романом Смирновым, и с Владимиром Тумановым, и с Георгием Васильевым, и с многими другими.

— Очень многие ваши персонажи в кино и театре — реально существовавшие выдающиеся личности: от Стриндберга до Блока и от Николая Алексеевича Некрасова до Генриха Шлимана. Важно ли вам в таком случае как можно больше узнать об этом человеке?

— Это, конечно, важно, но самое главное — исходить из замысла фильма или спектакля, из режиссуры. Можно прочитать миллион книг о своем персонаже, но если это не будет творчески претворено актером или если роль пойдет вразрез с режиссерским замыслом, ничего не выйдет. Тонны материала могут так и пролежать, не найдя решения, образа. Очень важно, чтобы произошло пересечение актера и человека, которого он играет. Даже если играешь реально существовавшую личность, все равно проецируешь ее на себя, думаешь, как бы ты повел себя в таких же обстоятельствах. Актеру нужно много наблюдать вокруг, у актера в жизни должны быть большие глаза...

— А вы можете привести пример, когда жизненное наблюдение помогло вам в роли?

— У нас в Молодежном театре был спектакль «Лунные волки» по пьесе Нины Садур, где я играл шофера Витю, человека самого простого, бедного, выпивающего... И хотя он живет с женой Зоей в достаточно страшных условиях, между ними настоящая любовь. И когда Зоя узнает, что Витя умрет, она решает уйти из жизни вместе с ним. Вот такие странные, истерзанные, немолодые, но все же — Ромео и Джульетта.

Понять их отношения мне помог такой случай. Однажды я увидел, как пара бомжей, мужчина и женщина, шли по улице. Она была в каких-то спущенных чулках, на нем — ботинки, обмотанные полиэтиленом. Мужчина пытался перевести женщину через дорогу, она его бранила, но он так аккуратно пытался взять ее под локоточек, и в его глазах была такая любовь! Это было так искренне. И когда Нина Садур посмотрела наш спектакль, она сказала: «Только в Петербурге могут носить лохмотья с таким до-

стоинством». Такое качество, как благородство, не обязательно зависит от социальной среды, в которой живет человек.

В человеке много чего намешано, в нем много отрицательного и даже отвратительного, но актер, по моему убеждению, должен искать в своем персонаже то, что делает его человеком. Мне всегда хочется нести со сцены надежду, радость, свет.

ПЫТАЮСЬ НАУЧИТЬСЯ ОТДЫХАТЬ

— Какие у вас интересы помимо профессии? Чем увлекаетесь в жизни?

— Люблю природу, рыбалку. Охоту не люблю: не могу убивать животных.

— Рыбалка тоже убийство...

— Убийство. Но рыба — это все-таки другое. Она холодная. О, рыба, прости меня! (Смеется.) А потом, рыбалка дает возможность побыть в тишине на природе, попытаться стать с ней единым целым, по-особому почувствовать утро или вечер, увидеть восход и закат. И ощутить, как летит время в нашей суетной жизни. Так летит, что даже не замечаешь, как она проходит. Может, оттого, что я безумно люблю работу, у меня не получалось отдыхать, но в последние годы я пытаюсь этому научиться.

— Ой, я же еще хотел спросить вас про стихи Пушкина, которые звучат в вашем исполнении на станции метро «Пушкинская»...

— А вы их слышали?

— В последнее время не был на «Пушкинской»...

— Вот и я еще не слышал. Так смешно вышло: когда мы уже стали записывать, я увидел строки из «Медного всадника» — описание наводнения, — и не по себе стало. Говорю, мол, ребята, представьте себе, что человек спускается на эскалаторе и слышит: «...Вдур опустело — воды вдур / Втекли в подземные подвалы, / К решеткам хлынули каналы...» Жутковато ведь, правда? После этого пассажир может выйти из метро и пересесть на другой транспорт. И согласились, что этот кусочек лучше не читать.